
И . В . П А Л А Г У Т А

МИР ИСКУССТВА
ДРЕВНИХ
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ
ЕВРОПЫ

Культуры балкано-карпатского
круга в VII-III тыс. до н. э.

УДК 7.031
ББК 85.103(45)
П14

Научный редактор
П. М. Кожин, главный научный сотрудник ИДВ РАН,
доктор исторических наук

Рецензенты:
Д. Г. Савинов, профессор кафедры археологии СПбГУ,
доктор исторических наук;
Ю. Е. Березкин, заведующий Отделом Америки МАЭ РАН,
доктор исторических наук;
Л. Б. Кирчо, старший научный сотрудник ИИМК РАН,
кандидат исторических наук

Палагута И. В.

П14 Мир искусства древних земледельцев Европы (культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н. э.) / И. В. Палагута; науч. ред. П. М. Кожин. — СПб. : Алетейя, 2011. — 336 с.; 16 л. ил.
ISBN 978-5-91419-437-3

Книга посвящена ярким и самобытным культурам древнейших земледельцев, населявших территорию Европы в VII–III тыс. до н.э. Носители этих культур были не только творцами «аграрной революции», но и создателями памятников первой архитектуры — жилищ, оборонительных и культовых сооружений, многочисленных произведений мелкой антропоморфной и зооморфной пластики, первых образцов ювелирных изделий из металлов, ярких образцов орнаментального искусства. В основу работы легло исследование особенностей памятников искусства и архитектуры раннеземледельческой эпохи, принципов и закономерностей сложения художественных форм, рассмотрение их как продукта реальной жизни древних обществ. Книга предназначена для широкого круга читателей, студентов вузов и специалистов в области истории, культурологии, искусствоведения, этнологии и археологии.

УДК 7.031
ББК 85.103(45)

ISBN 978-5-91419-437-3

9 785914 194373

© Палагута И. В., 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

Предисловие

Проблема искусства ранних земледельцев представляется очень сложной и самобытной областью науки о древности. И это не случайно, ибо искусство возникает там и тогда, когда у человека появляется, пусть и в небольших первоначально объемах, время, свободное от непосредственных хозяйственных забот. Один из крупнейших зоологов современности, специалист по содержанию диких животных в неволе Дж. Даррелл, обращал внимание на важную особенность адаптации животных к жизни вне природной обстановки. Животное, которое получает достаточное количество корма, начинает скучать и тосковать, если корм ему дается в каком-то концентрированном виде, когда ему не надо хотя бы имитировать его добычу. Человек настолько далеко в своем бытии отошел от естественных природных условий, что ему кажутся неприятными и даже обидными эти биологические сравнения¹, а забывать об этом не следует, занимаясь проблемами древней истории и мировосприятия человека древности.

По мере отступления ледника люди получали все большее пространство для расселения. Но на этом пространстве становились особо актуальными проблемы жизнеобеспечения. Благодаря оптимизации климатических условий, у человека появлялась возможность развивать несколько стратегий жизненного поведения, в основе которых неизменно лежало обеспечение пищей, создание безопасных условий существования и возможности беспрепятственного выведения и воспитания потомства. Естественно, что очень многое в этих стратегиях определялось пищевым рационом соответствующих человеческих групп, сложившимся благодаря особенностям природной среды различных широт и местностей.

Охотники, рыболовы, собиратели, которые вели кочевую хозяйственную жизнь, развивали свое хозяйство, приручая определенные виды диких животных, в большом количестве группировавшихся вокруг человеческих поселений и, в конце концов, вступавших с человеком в устойчивый симбиоз, обычно приводивший к созданию скотоводческого хозяйства. Группы же, специализирующиеся преимущественно на собирательстве, приходили к выводу, что необходимые для жизни растительные продукты можно было не искать в естественной среде, а выращивать их в благоприятных почвенных и климатических условиях непосредственно вокруг своих поселений. То есть эта стратегия помимо создания устойчивой кормовой базы жизнеобеспечения, вела одновременно и к относительно оседлому образу жизни. Естественно, что целенаправленное выращивание урожаев необходимой растительности при всех значительных затратах труда для

подготовки полей, их обработки, посеву, сбору урожая и его хранению требовало все же меньшее количество производственного времени, чем собирательство в условиях естественной среды. Высвобождавшееся таким образом время человек постепенно научался расходовать не хаотично, а целесообразно.

Именно это время посвящалось созданию оптимальных жизненных условий, устройству домов и поселений, заменивших естественные убежища; нормализации быта, становившегося устойчивым, благодаря постоянному неизменному пищевому рациону; разработке новых отраслей хозяйственной, технической деятельности (обработка камня, глины, минерального, растительного, животного сырья); подготовке и организации плановых переселений, необходимых в связи с истощением плодородия постоянно эксплуатируемых почв (говорить об опытах искусственного восстановления плодородия почв в то отдаленное время пока нет прямых оснований. И в более позднее время у населения Америки из-за постоянного выращивания кукурузы могли приходиться в упадок целые империи).

Умение создавать для себя определенные формы жизненных условий, очень резко возвысило человека в его собственных глазах. Он чувствовал себя уже не просто «потребителем природных благ», а созидателем и преобразователем, существом, способным влиять на природные условия. Это обманчивое чувство, если не вселилось, то каких-то повышенных возможностей, развивало человеческую фантазию, будило творческую мысль, создавало определенные направления поиска лучших условий жизни, лучшей организации общества и быта и порождало различного рода представления о принципиальной неограниченности физических и психических возможностей человека, как особенного сознательного существа.

Естественным развитием этих представлений становилось формирование магии, то есть технических средств, с помощью которых человек надеялся господствовать над природой, возобладать над нею, и становление представлений о высших силах, которые управляют жизненными процессами на земле, а поэтому их надо расположить к себе, обеспечить для себя их помощь. Человек персонифицировал эти «высшие силы», создавал их графические, скульптурные, языковые образы. Этим закладывались основы самобытного художественного творчества, происходило становление искусства как самостоятельной сферы высоко профессионального ремесла, основанного на воплощении в материальной форме идеальных, порою иррациональных, фантазий, все мощнее обуревавших человека, по мере того как совершенствовался его разум, возрастал жизненный опыт, потребности, вожделения.

Наиболее яркое воплощение этих представлений, несомненно, — предание о Прометее, высшем существе, помогавшем людям настолько активно, что его «божественные коллеги», затаив обиду на него за чрезмерную любовь к людям, подвергли его вечным мукам. Такие предостережения против человеческого свободомыслия и своеволия были типичны для традиционных обществ, вечно обеспокоенных сохранением *status quo*, для чего человеку рекомендовалось не проявлять инициативы, полагаясь во всем на богов. Ведь иудео-христианская идея первородного греха, если отвлечься от позднейших наслоений эротического бреда, была связана с тем, что люди нарушили табу, самостоятельно озаботившись о воспроизводстве собственной популяции, тем самым в очередной раз нарушив «божественное право»².

Нарастание свободного полета мысли, отрешенного от жизненных условий и сиюминутных потребностей, создавала в человеческом сознании определенное пространство, которое постепенно наполнялось абстрактными идеями³. Эти идеи, в свою очередь, трансформировали определенные области сознания и создавали возможности для поиска новых форм самовыражения, когда рациональность напрямую сталкивалась с иррациональностью, когда какая-нибудь идея, для которой не находилось возможности материального воплощения, превращалась в архетип, который в человеческом сознании создавал определенное устремление, направленное на поиск рационального решения непостижимых пока проблем⁴. Впрочем, архетипические идеи, иррациональные решения, которые формировались в недрах прежде всего раннеземледельческих коллективов, не были каким-то общечеловеческим достоянием. Это были фантазии, продукты свободного полета мысли древних людей, разнившиеся в зависимости от местных условий в различных коллективах. Именно в этой сфере особенно ярко проявляется этническое своеобразие духовной культуры разных народов, которое может находить выражение и в этническом материальном производстве.

Конечно, уловить весь тот широчайший спектр идей и изначальных верований, которые овладевали человеческим сознанием в глубочайшей древности, мы не можем. Но беспристрастно и всесторонне осветить те материальные выражения и воплощения, которые принимали эти свободные, не связанные возможностями материального производства, идеи, как представляется, мы обязаны. Ибо это единственный путь проникновения в реалии древнего духовного мира и идейную жизнь человечества, обретающего в индивидуальном, а затем и коллективном разуме (рассудке) новую, невиданную в биологической животной среде психофизическую основу и духовную энергетическую силу. Именно отсюда

проистекает тот интерес к первобытному творчеству, искусству, который, в частности, реализуется в очередной монографии И. В. Палагути. Но именно здесь необходимо поставить правильный акцент в подходах к духовному миру первобытности и к опытам его трактовки средствами современного научного поиска.

Сформировалось несколько направлений трактовки духовной жизни, идейного мира древности. Наиболее типичной стала позиция, которую уже в 1980-х годах предложил коллектив исследователей, создавший новаторский труд «Мифы народов мира». Это двухтомное, неоднократно уже переиздававшееся коллективное сочинение. Основным принципом, доминирующим в этой работе, является признание первичности «мифологического сознания». Собственно у этого подхода имеется глубокая научная предыстория, восходящая к трудам Дж. Фрэзера, Л. Леви-Брюля, а еще раньше к работам Агриппы Неттесгеймского, Дж. Уэбба, Дж. Уилкинза, А. Кирхера, Ш. де Бросса, М. Мюллера и других ученых систематиков, а также мистиков. Основным принципом этих направлений исследовательской мысли являлось представление об общечеловеческом единстве всей основной идейной и материальной символики, присущей «человеческому роду». Это представление о единстве символики (и ее знаковых проявлений) прямо связано, и даже восходит, к идее о «натуральных законах», изначально, повсеместно и вечно присущих человечеству. Эти идеи, исповедовавшиеся еще в XVIII в., подспудно сохранили свое значение во многих областях гуманитарных исследований.

Конечно, действительность, живой духовный мир древности был более многообразен и независим в своем развитии в разных районах Земли и в разных условиях существования. В связи с этим перед исследователями стоит дилемма: стремиться к воссозданию адекватной картины (основанной на понимании этнокультурных и региональных различий, порождавшихся особенностями образа жизни и своеобразием коллективной этологии древних этнических неродственных человеческих групп) древнего мирозерцания, мышления и иллюзорных представлений или продолжать работать над созданием обобщенной схемы, подводящей итоги многотысячелетнему поиску вечных и сиюминутных истин, мифолого-религиозных знаний, духовных представлений, посредством которой можно закрывать вечно существующую лакуну между актуальной жизнью древности и пониманием ее в наш высокотехнологичный век⁵.

И. В. Палагута избрал для себя первый, более трудоемкий и требующий разработки разнообразных дополнительных исследовательских приемов путь. В этом отношении оказалось очень удачным распределение материала по главам, отражающим основ-

ные функциональные подразделения древней хозяйственной жизни и доминирующих в них видов прикладного искусства, которое в древности было безусловно преобладающей формой искусства. Это главы, посвященные архитектуре (прежде всего, домостроительству), пластике и объемной скульптуре (опять же, в основном, касающиеся древнеземледельческих статуэток, по преимуществу, женских), керамике.

Структура работы определена главами, характеризующими жизненный цикл и особенности культуры древних земледельцев, а также искусство крупной этнокультурной общности Кукутени-Триполья, где благодаря многолетним полевым исследованиям советских, румынских, украинских, русских, молдавских ученых получены наиболее обширные и полноценные археологические материалы, всесторонне характеризующие разные стороны хозяйства, социальных отношений, истории, быта и искусства населения этой локальной области обитания древних земледельцев.

Наибольшее значение в самой структуре работы имеет то, что автор монографии затрагивает целый ряд проблем и тем, которые до сих пор слабо обозначены и часто вовсе не изучены исследователями, занимающимися первобытным искусством и культурой.

При работе над таким полифакторным явлением, как первобытное искусство, приходится иметь ввиду очень многие стороны живой первобытной культуры, которые не просто оказали влияние на особенности формирования определенных видов искусства, но и во всем периоде его существования так или иначе воздействовали на содержание сюжетов, их расширительную и образную трактовку, на охват ремесленной продукции различными видами прикладного искусства и многое другое. В связи с этим возникает вопрос о том, как может быть определено в самых общих чертах понятие «искусство» в отношении первобытного творчества. Прежде всего, приходится обратить внимание на восприятие искусства как вида ремесла, что сразу же ставит его в определенные рамки традиционных, проверенных повторяющимся опытом действий. Это касается прежде всего приемов, которые используются при создании сюжетных и орнаментальных композиций, всего набора инструментов и способов их использования. Здесь определенно прослеживаются прямые параллели с обычными рабочими, производственными операциями.

То есть первобытное искусство⁶ — это прежде всего создание определенного вида массовой продукции, которая должна выражать представления, устремления и чаяния той организованной человеческой массы (вне зависимости от того какими условными «научными терминами» будет означаться человеческая популяция и ее фракции: род, фратрия, племя, разновидности общин — не-

изменным и истинным остается тот факт, что речь всегда идет об этнических группах, образующих разные иерархии, вырабатывающих особые системы родства, придерживающихся различных принципов расселения и организации производственно-хозяйственной деятельности), которая строит свой быт, общественную жизнь и хозяйство с расчетом на длительный период устойчивого и плодотворного выживания. Искусство оказывается в условиях первобытности одной из форм идейного управления обществом (вот он прообраз идеологии!) и, наряду с религией, с которой оно в древности особо тесно связано, оказывается силой, гармонизирующей и укрепляющей единство сложившихся общественных установлений.

Другой, как уже упоминалось, важной функцией искусства (собственно, функции искусства—это части его определения) является поиск оптимальных форм взаимоотношений человека с высшими силами, когда в искусстве ищут форму, которая наиболее доходчиво может объяснить «божествам» (а, по сути, самим себе!) потребности и нужды человека и коллектива. Именно это ложится в основу создания семантической направленности искусства, в рамках которой или по соседству с которой формируется письменная культура и письменный язык человеческих коллективов⁷. Наконец, прикладной характер искусства становится важным благодаря тому, что целый ряд образов и символов обретает значение, пусть и не присущее им искони, оберегов и знаков, способствующих высококачественному употреблению инструментов, орудий и оружия, на которых они нанесены, помогает сохранить их рабочие качества, а оружие делает более эффективным в борьбе с врагом. Итак, в первобытном искусстве таким образом неизменно и повсеместно выражена социальная функция.

Вопрос же об эстетической функции искусства, о его нематериальных идеальных задачах, о существовании форм «искусства для искусства»—все это явно находится вне сферы, так или иначе связанной с искусством первобытности.

Еще один важный момент, обусловивший массовое внедрение прикладного искусства в производство, связан с тем, что получило наименование «типологического метода», когда определенные технические детали, первоначально имевшие значение для производства, утрачивали свою роль в производственном процессе, но формально сохранялись на изделии. Это сохранение деталей, лишившихся объективных производственных функций, в итоге приводило к замене рельефного их воспроизведения чисто рисуночным, графическим. И, наконец, первоначально функциональная деталь производственного процесса превращалась в то, что

называют «техническим орнаментом». Ограничения в возможностях применения типологического метода, имеют особое значение в связи с тем, что человечество и его культура, особенно производственная культура, связанная технологиями, особенностями сырья, определенными традициями и правилами, никогда не развивалась повсеместно, единоподчиненным образом.

Большинство самостоятельно сложившихся и развивающихся коллективов в своей производственной деятельности обязательно вырабатывали определенные особенности, которые сказывались во всем производственном процессе, придавая ему техническую и культурную (по сути, этническую, этнокультурную) специфику, разъединяющую каждый данный способ производственной деятельности с другими. Эта особенность производства, выражающаяся в предметах материальной культуры и их сочетаниях, была исследована во второй половине XIX в., прежде всего, по этнографическим материалам. Было установлено, что регионально и этнически производства стойко определялись спецификой набора орудий, в которых можно было выделять наиболее яркие образцы, скажем, особые формы весла, топора, лука и стрел и т. п. Нанесение на карту этих доминирующих видов изделий создавало относительно четкие ареалы, в которых тот или иной вид изделий господствовал. Таким образом можно было фиксировать то, что называется «культурными кругами» (*Kulturkreis*). К сожалению, школа эта получила признание прежде всего среди музейных работников и ограничилась, в практическом плане, изучением образцов материальной культуры⁸.

В XX в., когда в Средиземноморье и Западной Азии стало обнаруживаться все большее количество различного рода художественных изображений быка (Крит, ахейская Греция, Малая Азия и т. д.), возникла идея о возможном существовании культурного круга, объединенного бычьими изображениями, связанного с какой-то определенной доисторической языковой средой и охватывавшего в неолите и бронзовом веке огромные территории Восточного Средиземноморья и Западной Азии, где повсеместно были распространены различные разновидности крашеной керамики. Культура Кукутени-Триполья также попадала в этот круг⁹. Последовавшее за тем более углубленное изучение отдельных ареалов, входивших в данный крупный регион, привело к его дроблению, с одной стороны, а с другой, к смене ведущего, объединяющего его образа. Образ быка сменился доминирующим изображением богини-матери, которая, благодаря неумеренной активности таких специалистов-археологов, как М. Гимбутас, стала символом определенной эпохи и всего данного региона.

Идеи, связанные с образом быка, не получили окончательного развития и можно сказать, что за ними еще стоят большие перспективные исследовательские возможности, не менее значимые, чем изучение мегалитических культур на тех же территориях. Работа И. В. Палагуты, с ее достаточно широким охватом проблематики и разнообразием творческих подходов к материалу, может способствовать возрождению этого научного направления и новым достижениям в проблематике историко-культурных и лингво-исторических исследований на всей территории данного обширного региона.

П. М. Кожин